

Федотова Ксения Сергеевна

Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова,
Россия, 119991, Москва, ул. Трубецкая, 8
ks-weiss@mail.ru

Топонимические эпитеты Николая Гумилева

Для цитирования: Федотова К. С. Топонимические эпитеты Николая Гумилева. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (1): 169–180.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.109>

В статье, написанной на материале стихотворений Н. С. Гумилева, представлен анализ функций и семантики образных определений, относящихся к географическим названиям (топопоэтонимам). Методом сплошной выборки были выделены 206 собственных имен и 77 эпитетов, среди которых преобладали определения, содержащие эмоциональную оценку объектов: *безумная Африка* («Остров любви»), *нежный Восток* («Гончарова и Ларионов»), *царственный Нигер* («Нигер») — и построенные на базе метафоры или метонимии их цветковые характеристики: *золотой Багдад* («Паломник»), *желтый Китай* («Я верил, я думал...»), *зеленая Сибирь* («Сахара»). В генитивных конструкциях эпитет чаще всего относится к главному слову именной группы: *золотые ворота Царьграда* («Швеция»), *зеленые волны Евфрата* («Сон Адама»). В перифразах, где опорное слово именуется субъект поэтического описания или абстрактное понятие, эпитетом может быть наделено географическое название: *вождь золотоносных Микен* (т. е. Атрид, «Воин Агамемнона»); *царица необозримой Руси* (т. е. Москва, «Мужик»). Анализ наиболее употребительных определений (*далекий, отдаленный; древний; таинственный*) показал, что в поэтическом тексте эпитет реализует несколько словарных значений, а его семантика осложнена контекстуальными коннотациями. Так, эпитет *далекий* к топопоэтониму *Сибирь* в стихотворении «Современность» служит, помимо прочего, выражению идеи удаленности во времени, а образ *Сибири* открывает особое пространство поэтического мира произведения — пространство, где прошлое продолжается в настоящем. В произведении «Галла» идея противопоставления различных культур передана через образ *отдаленной и дикой России*, как она представлена в речи африканского учителя ислама. Определение *древний* («Слова на музыку Давыдова», «Родос») в стихотворениях Гумилева также создает временную перспективу поэтического описания, имеет положительную коннотацию, указывающую на высокую значимость названного топопоэтонимом объекта, а эпитет *таинственный* (*Русь*, стихотворение «Старые усадьбы»; *озеро Чад*, стихотворение «Озеро Чад») имеет дополнительное значение «связанный с таинством, волшебством».

Ключевые слова: Н. С. Гумилев, лингвистическая поэтика, поэтоним, семантика имени, эпитет.

Введение

Развитие корпусной лингвистики, лингвистической поэтики и авторской лексикографии в последние десятилетия закономерно привело к увеличению количества исследований, посвященных анализу языковых характеристик личности пи-

сателя. Перемены в подходе к изучению языка в целом [Плунгян 2008] не могли не коснуться и исследований по авторскому языку, также в последние десятилетия в немалой степени ориентированных на работу с корпусами текстов.

Представляется, что и для литературной ономастики (поэтонимологии¹) важными сейчас являются задачи комплексного изучения пространства собственных имен, их межтекстовых взаимодействий и функций, а создание словарей онимной лексики произведений отдельных авторов откроют перед учеными возможности для таких исследований.

Несмотря на то, что изучение Серебряного века сейчас трудно представить без внимания к творчеству Н. С. Гумилева, комплексных лингвистически ориентированных работ по языку поэта все еще очень мало, а то обстоятельство, что в наиболее масштабный по объему материала словарь онимной лексики в русской поэзии первой половины XX в. [Григорьев] имя Н. Гумилева не было включено, только усиливает актуальность литературно-ономастических исследований, выполненных на материале его произведений.

Целью настоящей статьи было изучение художественных функций и семантики эпитетов, которые Гумилев использовал с названиями географических объектов, т. е. с топопоэтонимами². Предметом анализа стали географические названия и их образные определения, отобранные методом сплошной выборки из стихотворений, помещенных в наиболее полном в настоящий момент собрании сочинений поэта [Гумилев 1998–2001]. Выборка составила 144 произведения, в которых были выделены 206 поэтонимов и 77 образных определений к ним.

Несмотря на то, что мы склоняемся к широкому пониманию эпитета [Москвин 2006: 32–33], т. е. относим к образным определениям краткие прилагательные, причастия и существительные, как, например, слово «царь» в выражении *царь Тимбукту*³, в материал данной статьи вошли преимущественно прилагательные и не вошел анализ перифраз, выраженных причастными оборотами, а также анализ эпитетов, относящихся к генитивным конструкциям, где собственное имя выполняет функцию посессора, хотя такие случаи в стихотворениях Гумилева нередки и потому проблема их рассмотрения все же кратко была затронута.

Результаты проведенного анализа послужат основой для создания словаря онимной составляющей языка Гумилева и могут быть полезны для изучения поэтики и стиля писателя.

¹ Термин «поэтонимология» предложен В. М. Калинин для именованя научного направления, предметом которого является анализ собственных имен в художественных произведениях [Калинкин 2016]. От более широкого по объему понятия «литературная ономастика» поэтонимология отличается методологической направленностью на изучение важнейших аспектов поэтики произведений через описание функционирования и семантики использованных в них собственных имен (поэтонимов).

² Под топопоэтонимами мы понимаем все географические названия (названия городов, стран, водных объектов и т. д.), которые использованы в художественных произведениях. В статье мы использовали этот сложный термин в тех случаях, когда было важно подчеркнуть, что собственное имя обозначает географический, а не какой-либо другой объект.

³ Из стихотворения «Нигер»: «А вокруг города, точно горсть виноградин, / Это — Бусса, и Гомба, и *царь Тимбукту*, / Самый звук этих слов мне, как солнце, отраден, / Точно бой барабанов, он будит мечту». Цит. по: Гумилев Н. С. *Полное собрание сочинений*. В 10 т. Т. 1–4. М.: Воскресенье, 1998–2001 [Гумилев 1998–2001]. С. 48.

Общая характеристика эпитетов к географическим названиям в стихотворениях Гумилева

Все географические названия в творчестве Гумилева можно разделить на несколько категорий: названия регионов, стран и городов, названия водных объектов и названия несуществующих в реальности объектов (мифопоэтонимы). В приложении представлен перечень топопоэтонимов и их определений, выписанных методом сплошной выборки из стихотворений, представленных в полном собрании сочинений поэта. Сами же образные определения по семантическому параметру можно разделить на содержащие:

- эмоциональную оценку объекта: *безумная Африка, великолепная Бассора, строгая Византия, нежный Восток, дивная Галлия, загадочная Каффа, царственный Нигер, властительный Рим, таинственная Русь;*
- его цветовую характеристику: *золотой Багдад, седая Двина, желтый Китай, зеленая Сибирь, белая Хива, чернеющий Эреб;*
- указание на положение в пространстве: *дальняя Абиссиния, далекий Китай;*
- оценку объекта в исторически-временной перспективе: *древняя Евразия, старинная Европа, юная Сахара, юные Фивы, старая Смирна;*
- качественную характеристику названной именем местности: *плодоносная Амхара, лесная Русь, каменистая Шоа.*

Среди эпитетов, относящихся к названиям водных объектов, часты определения, передающие ощущение быстроты движения волн, бури: *вспененная Двина, буйное Красное море, опененный клокочущий Понт.*

Наиболее насыщен эпитетами топопоэтоним *Нил*, который в разных стихотворениях назван *темным, безмолвным, медлительным, священным*. В стихотворении «Абиссиния» этот поэтоним употреблен как основание для сравнения, которое достигается переносом на *Неву* признаков, присущих главной реке Африки: «Есть музей этнографии в городе этом / Над широкой, как *Нил*, многоводной *Невой*» [Гумилев 1998–2001, т. 4: 28].

Выступая в функции основания для сравнения, эпитет может относиться и к именной группе, где собственное имя играет роль посессора. Определение, употребленное в конструкции с именем в родительном падеже и вынесенное в постпозицию к определяемому, ослабляет посессивную связь⁴:

Дальше справа, где рощи густые Сокото,
На атлас положу я большой изумруд, —
Здесь богаты деревни, привольна охота,
Здесь свободные люди, как птицы, поют [Гумилев 1998–2001, т. 4: 49].

⁴ На семантическую самостоятельность компонентов посессивных именных групп в поэтическом тексте указывал еще Л. В. Щерба: «...приименный родительный, будучи поставлен после своего имени, склонен (разрядка в источнике. — К. Ф.) составлять особую группу, особенно если он имеет еще и свое определение. Следствием этого является то, что определяемое тоже оказывается более или менее самостоятельным, и как бы мы ни усиливали логическое ударение на родительном определительном, эта самостоятельность не ослабляется» [Щерба 2007: 40]. Однако в данном случае речь не идет о перифрастических конструкциях, которые представляют единый (и неделимый) художественный образ.

В процитированном отрывке из стихотворения «Нигер» воссоздан мысленный путь поэта по течению реки, вокруг которой с древних времен образовывались крупные поселения, составившие ядро западноафриканской цивилизации. Определение *густые* в постпозиции к определяемому подчеркивает здесь плодородие и богатство этих земель.

Главными компонентами генитивных конструкций с топопоэтонимами в форме родительного падежа могут быть названия местности (*леса Кордофана, ущелья Бенины*), городских объектов (*стена Китая, ворота Царьграда*), абстрактных понятий (*слава Рима, золотое сердце России*), а также субъекты поэтического описания (*вождь золотоносных Микен, короли и владыки Судана*). Определения в таких конструкциях чаще всего относятся к главному компоненту именной группы, хотя могут относиться и к зависимому, особенно если он именуется лирический субъект или понятие, представленное олицетворением⁵:

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси («Мужик» [Гумилев 1998–2001, т. 3: 116–117]).

Среди цветовых эпитетов преобладает определение *золотой*, передающее идею света, солнца, высокой ценности наделенного этим цветом объекта [Голубцова и др. 2019: 192]. Образы *огня, пламени* часто появляются в описаниях морей и рек, например: «Блещет воздух стеклянный, **налитый огнем**, / И лучи его сыпятся, словно цветы, / Море, **Красное море**, ты **царственно** днем, / Но ночами еще ослепительней ты» («Красное море» [Гумилев 1998–2001, т. 4: 14]). Из других колоративов в описании рек один раз встречается прилагательное *зеленый* (*зеленые воды Евфрата*, стихотворение «Сон Адама»), где он предшествует образу *объятый серебряным блеском долины Эдема*.

Вероятно, золотой цвет речных и морских волн, отражающих солнечный свет, символизирует в поэтике Гумилева живое движение, в то время как черный цвет сопровождает описание закрытых водоемов, озер, воды которых, как писал С. Л. Слободнюк, «ничего не отражают, их роль — поглосать (разрядка в источнике. — К. Ф.)» [Слободнюк 1992: 45].

Семантика и функции наиболее употребительных эпитетов

Представляется интересным сравнить и проанализировать случаи использования одинаковых эпитетов, относящихся к разным географическим объектам. В отобранном нами материале наиболее употребительными оказались образные определения *далекий(-ая), дальняя, отдаленная*, которые относятся к названиям *Китай* («Путешествие в Китай»), *Каффа* («Пальмы, три слона и два жирафа»), *Абиссиния* (в сравнении, стихотворение «Гляжу на Ваше платье синее»), *Нил* (*берега Нила* как метонимическое именование Египта, стихотворение «Мореплаватель Павзаний»),

⁵ Рассматривая поэтические эпитеты в аспекте стилистики, Т. М. Фадеева отмечает, что в языке художественной литературы конца XIX — начала XX в. наблюдается тенденция к обратимости тропов, когда один сложный по структуре эпитет выполняет несколько функций (например, метафоры и олицетворения, метафоры и сравнения) [Фадеева 2011]. Такая стилистическая многозначность топонимических эпитетов наблюдается и в языке Гумилева.

Сибирь («Современность»), *Россия* («Галла»). Основная, но не единственная, функция этих эпитетов — указание на удаленность названного топопоэтонимом места от самого лирического героя или от иного субъекта поэтического описания. Как будет показано ниже, в семантическом поле эпитетов, характеризующих географические объекты, чаще всего актуализируется несколько словарных значений, а поэтика произведения обогащает их индивидуально-авторскими коннотациями.

Хронотоп стихотворения «Современность» включает ряд пространств, отделенных друг от друга как географически, так и во времени. Пространство лирического героя — это пространство дома (*сел у окна*), города (*тень часового, гимназист с гимназисткой*). В современность вплетено прошлое — эпоха античности, колыбели европейской цивилизации, но это прошлое — историческое, сохранившееся в общечеловеческой памяти, в литературе (отсылки к «Илиаде», роману «Дафнис и Хлоя»). Объединение, переплетение в точке настоящего разных культурных пространств — характерная особенность поэтики акмеизма⁶. Прошлое приобщается к настоящему благодаря памяти о нем.

Третье пространство открывается описанием *Сибири*:

Так в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,
Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены горизонты [Гумилев 1998–2001, т. 2: 82].

Сибирь далека по отношению к точке нахождения лирического героя в настоящем, к его культурному городскому пространству, но вместе с тем *Сибирь* в стихотворении представлена как место без времени или место, где время остановилось, застыло, где прошлое сквозит в настоящем. Идея остановки движения во времени, а также смерти часто выражается у Гумилева сочетанием белого и красного [Голубцова и др. 2019; Дроздова 2011]. Семантика белого передана образами *пурги, снега, серебряного льда, застывающих* (а не застывших в прошлом) *мастодонтов*, словно заполнивших собой пространство земли и неба⁷. Значимость красного выражена плеоназмом *красная кровь*, а красный горизонт бывает на рассвете и на закате — в начале и в конце дня, т. е. в переходные моменты суток, когда день образно рождается и умирает.

Поэтика строфы, как и поэтика всего стихотворения, которое мы не имеем возможности детально рассмотреть здесь полностью, позволяют предположить, что в семантику эпитета *далекая*, характеризующего *Сибирь*, входит идея удаленности не только в пространстве (по отношению к местонахождению лирического героя), но и во времени (*далекий* как ‘отделенный большим промежутком времени’⁸ [Ушаков 1935: 648]). *Сибирь* изображена в стихотворении как место, лежащее вне

⁶ О стремлении к совмещению культурных пространств в поэтике акмеизма писали многие исследователи, например, Н. А. Фатеева замечала, что в литературе этого периода «...отдаленные предтексты, не связанные друг с другом до этого момента, вступают друг с другом в связь, в свою очередь порождая все новые ряды молниеносно множющихся связей» [Фатеева 1997: 326].

⁷ Известный специалист по поэтике Гумилева Е. Ю. Раскина отмечала, что север в его произведениях имеет символику рая, движения к иному миру, а образ льда может предшествовать этому движению: «Льды в сакральной географии считаются последним земным пространством на пути к миру иному, местом жреческого служения» [Раскина 2009: 144].

⁸ Здесь и далее словарные значения приведены по Толковому словарю русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, так как это самый полный по составу словарь, отражающий жизнь русского

человеческой культуры и цивилизации, где прошлое не умирает, а застывает в настоящем, и в этом смысле оно открывает собой пространство вечности.

В стихотворении «Галла» лирический герой, пройдя с караваном через африканские горы и пустыни, пришел к дому местного мусульманского учителя. Обстановка, окружавшая проповедника (*восседал на персидских коврах*), его одяние (*в браслетах, серьгах и перстнях*), столь отличные от привычного для европейца и христианина представления об учителях и пророках, а также дескрипция *жирный негр* и сравнение с *идолом (точно идол)* воспринимаются как кульминация представленного в первых восьми строфах описания столь чуждой и дивной для лирического героя галасской земли. В конечной части стихотворения слышится уже другой голос — голос исламского проповедника:

Все расспрашивал он, много ль знают о нем
В отдаленной и дикой России [Гумилев 1998–2001, т. 4: 31].

Очевидно, что здесь эпитеты *отдаленная* и *дикая* характеризуют отношение к России мусульманского учителя, а не лирического героя. Отдаленность здесь можно понимать не только в пространственном, но и в культурном смысле.

Что же касается эпитета *дикий* у Гумилева, то с топопоэтонимами он употреблен как минимум в двух значениях: «находящийся в первобытном состоянии» и «пустынный, глухой, мрачный» [Ушаков 1935: 708]. В приведенном выше контексте, как нам представляется, допускается прочтение в обоих значениях: *Россия* как страна с иной, чуждой для африканцев, культурой и как равнинное холодное место⁹. Важно, что во втором значении прилагательное *дикий* употреблено также в начале рассматриваемого стихотворения «Галла», где оно характеризует окружающее лирического героя африканское пространство:

Восемь дней от Харрара я вел караван
Сквозь Черчерские дикие горы [Гумилев 1998–2001, т. 4: 30].

В стихотворении «Франции» эпитет *дикий* встречается с топопоэтонимом *Русь*, где он также подчеркивает разницу между двумя культурными пространствами (европейским и русским), но уже в речи лирического героя Гумилева:

Франция, на лик твой просветленный
Я еще, еще раз обернусь
И как в омут погружусь бездонный
В дикую мою, родную Русь [Гумилев 1998–2001, т. 3: 192].

В олицетворении эпитет может выражать отношения между двумя разными географическими объектами, как, например, в стихотворении «Алжир и Тунис»:

И к Италии дальней
Дивно выгнутый мыс
Простирает печальный
Брат Алжира, Тунис [Гумилев 1998–2001, т. 4: 53].

языка первой половины XX в., т. е. приближенный по времени издания к периоду творчества Гумилева.

⁹ Ср. стихотворение «Сестре милосердия»: «И мечтаю я, чтоб сказали / О России, стране равнин: / — Вот страна прекраснейших женщин / И отважнейших мужчин» [Гумилев 1998–2001, т. 3: 70].

Представляет интерес форма прилагательного *дальный*, которое в словаре Ушакова дано с пометой «областное» и имеет только значение ‘имеющий большое протяжение’ (*дальный путь, дальнее расстояние*) [Ушаков1935: 649–650], то есть в данном случае речь идет не о том, что находится вдали, а о том, что включает в себя сему ‘даль’ — ‘пространство’.

Как видим, эпитеты *далекий, дальний, отдаленный* в поэтических произведениях Гумилева имеют многослойную семантику, совместившую в себе понятия об удаленности названного собственным именем объекта в пространстве и во времени.

Несколько географических названий в разных стихотворениях имеют эпитет *древний*, указывающий на глубокое историческое прошлое выраженного топонимом объекта. В стихотворении «Слова на музыку Давыдова» образ лирической героини, страдающей от неразделенной любви, и ее возлюбленного композиционно объединяются благодаря упоминанию о *Ниле*. В первой строке стихотворения лирическая героиня называет себя *танцовщицей с древнего Нила*, где эпитет, вероятно, служит созданию временной перспективы поэтического описания. Родной для лирической героини *Нил* — тот самый, что существовал века и тысячелетия назад:

Я — танцовщица с **древнего** Нила,
Мне — плясать на песке раскаленном [Гумилев 1998–2001, т. 2: 69].

В последней строфе *безмолвие Нила* уподобляется молчанию возлюбленного лирической героини, не ответившего ей взаимностью:

Но, как волны **безмолвного** Нила,
Всё ты бродишь холодным и сонным... [Гумилев 1998–2001, т. 2: 69]

В сравнительном обороте *Нил* назван *безмолвным*, но и определения *холодный* и *сонный*, характеризующие объект симпатии лирической героини, в равной мере можно отнести и к реке. *Нил*, объединяя образы поэтических субъектов стихотворения, становится молчаливым свидетелем скрытой от всех личной драмы героини. Здесь отметим, что в другом произведении — стихотворении «Гиена» — образ великой реки также обрамляет поэтический сюжет, задает его пространственные координаты: *гиена* бродит у могилы царицы, расположенной *над тростником медлительного Нила*, и сравнивает себя с ней, обращаясь к окружающей природе:

Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растенья... [Гумилев 1998–2001, т. 1: 133]

Редкий для поэтики Гумилева темный цвет здесь соотносится с образом смерти, [Голубцова и др. 2019: 194], а смерть — с тайнами, которые унесла с собой в загробный мир полюбившаяся *гиене* порочная царица. *Нил*, объединяющий образы лирических субъектов (*гиены* и *царицы*), снова становится молчаливым (*безмолвным, бесшумным*) хранителем их тайны.

В стихотворении «Родос», посвященном памяти М. А. Кузьминой-Караваевой, в очень молодом возрасте умершей от туберкулеза, описание реального острова сменяется, по всей видимости, метафорой рая.

Первые четыре строфы стихотворения представляют собой описание острова с точки зрения приближающихся к нему матросов. Родос был местом обоснования рыцарей-госпитальеров, заботившихся о раненых и больных пилигримах. Представители ордена несколько раз выдерживали нападение мусульман, но в начале XVI в. были побеждены и бежали с острова. В последующих строфах образ рыцарей разворачивается в образ людей, сражающихся с невзгодами жизни, к которым относится и сам лирический герой, а *Родос* здесь становится обетованной землей, конечной целью этой борьбы:

Мы идем сквозь туманные годы,
Смутно чувствуя веянье роз,
У веков, у пространств, у природы
Отвоевывать древний Родос [Гумилев 1998–2001, т. 2: 103].

Роза в христианстве, как известно, кроме того, что она является эмблемой Девы Марии, которую рыцари-госпитальеры считали своей покровительницей, ассоциируется с крестными страданиями Христа, с мученичеством, а также символизирует любовь и страсть [Энциклопедия: 275–277]. В целом это очень многозначный символ, но в произведениях Гумилева *розы* часто сопровождают появление прекрасной женщины (возлюбленной лирического героя) или использованы в описаниях рая, воспоминаний, грез¹⁰. Представляется, что эпитет *древний* к поэтониму *Родос* здесь указывает на высокий статус названного места, несет положительную коннотацию его значимости. Кроме того, временной план процитированной строфы имеет обратное движение от будущего (*идем сквозь туманные годы*), в конце которого — смерть, к *древнему Родосу*, и в этом смысле эпитет выражает возвращение к чему-то утраченному и обетованному — к утраченному раю.

В семантическое поле эпитета *древний*, объединяя его с определением *старинный*, входит значение 'существовавший в далеком прошлом, бывший ранее в ином виде'. Эти значения выводимы из контекстных употреблений в стихотворениях «Алжир и Тунис» и «Вступление», где воссоздан мотив далекого «родства» *Европы (Евразии) и Африки*: «От Европы старинной / Оторвавшись, Алжир, / Как изгнанник невинный, / В знойной Африке сир» («Алжир и Тунис», [Гумилев 1998–2001, т. 4: 53]). Во «Вступлении» *Африка* описана как *исполинская груша*, висящая на *дереве древнем Евразии* [Гумилев 1998–2001, т. 4: 12].

Последний эпитет, который мы рассмотрим в этой статье, — эпитет *таинственный* — относится к поэтонимам *Русь* и *озеро Чад*. Помимо своего основного значения 'закрывающий в себе какую-то тайну' [Ушаков 1940: 635], с поэтонимом *Русь*, которая в стихотворении «Старые усадьбы» описана как *волшебница суровая*, это определение получает коннотацию 'связанный с таинством'. *Таинственность* Руси — в ее необъяснимом притяжении, в постоянном ощущении присутствия не-

¹⁰ Так, в поэме «Блудный сын» розы сопровождают встречу лирического героя с прекрасной девушкой: «Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо, / Вся в белом и с розами, словно невеста» [Гумилев 1998–2001, т. 2: 34]. В стихотворении «Две розы» цветок изображен перед воротами рая: «Перед воротами Эдема / Две розы пышно расцвели» [Гумилев 1998–2001, т. 2: 70]. В «Мадригале полковой даме» *розы* представлены как атрибут мусульманского рая, где они символизируют страсть: «И как в раю магометанском / Сонм гурий в розах и шелку, / Так вы лейб-гвардии в уланском / Ее Величества полку» [Гумилев 1998–2001, т. 3: 91].

зримого глазу мира («И угадать нельзя по голосу, / То человек иль лесовик» [Гумилев 1998–2001, т. 2: 165]).

Подобное значение эпитета прослеживается и в стихотворении «Озеро Чад», основным мотивом которого стало описание трагической судьбы молодой африканки, *жены могучего вождя*, покинувшей родную землю из-за страсти к европейцу. Вынесенный в заглавие стихотворения топоним композиционно замыкает поэтический сюжет, который начинается с описания жизни на озере Чад («Поклоняются страшным богам / Девы-жрицы с эбеновой кожей», [Гумилев 1998–2001, т. 1: 158]) и заканчивается мысленным возвращением лирической героини в прошлое и страхом возмездия («Умереть? Но там, в полях неведомых, / Там мой муж, он ждет и не прощает» [Гумилев 1998–2001, т. 1: 159]).

Заключение

Краткий анализ употребленных с топонимами эпитетов в творчестве Гумилева позволил сделать некоторые наблюдения над языком поэта.

В стихотворениях Гумилева часто встречаются колоративы, а также эпитеты, дающие эмоциональную характеристику объекта. С названиями рек и морей часто использованы образные определения, передающие идею бури, шторма, быстрого движения волн: *вспененная Двина* («Рабочий»), *буйное Красное море* («Абиссиния»), *опененный, колоколуций Понт* («Избиение женихов»), а описания водных пространств нередко сопровождаются образами огня и пламени.

В генитивных конструкциях с топонимами образные определения, как правило, относятся к опорным словам, что смещает семантический акцент с собственного имени на нарицательное. Эпитет может стоять непосредственно перед географическим названием, если главное слово именной группы называет абстрактное понятие (*царица необозримой Руси*, стихотворение «Мужик») или поэтический субъект (*вождь золотоносных Микен*, стихотворение «Воин Агамемнона»), т. е. является частью перифразы.

Выраженные эпитетом качества и признаки топонима могут быть представлены с точки зрения отличного от лирического героя субъекта поэтического мира, и даже в пределах небольшого по объему произведения одно и то же определение может употребляться в разных значениях, как было показано на примере эпитета *дикий* (стихотворение «Галла»).

Материал выборки из 144 стихотворений показал, что к наиболее употребительным топонимическим определениям относятся определения *далекий, отдаленный, древний, таинственный*. Семантика эпитетов в поэтическом тексте осложнена коннотациями, порожденными единством поэтического текста, его композицией, пространственно-временным планом и системой образов.

Источники

Гумилев 1998–2001 — Гумилев Н. С. *Полное собрание сочинений*. В 10 т. Т. 1–4. М.: Воскресенье, 1998–2001.

Словари и справочная литература

- Григорьев — Григорьев В. П. и др. (сост.). *Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен*. Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. <http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003/index.html> (дата обращения: 07.10.2020).
- Ушаков 1935 — *Толковый словарь русского языка. Т. 1: А — Кюрины*. Винокур Г. О. и др. (сост.); Ушаков Д. Н. (ред.). М.: Советская энциклопедия, 1935.
- Ушаков 1940 — *Толковый словарь русского языка. Т. 4: С — Ящурный*. Виноградов В. В. и др. (сост.); Ушаков Д. Н. (ред.). М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940.
- Энциклопедия — Дж. Купер. *Энциклопедия символов*. Комаров И. В. (пер. с англ.) М.: Ассоциация духовного единения «Золотой век», 1995.

Литература

- Голубцова и др. 2019 — Голубцова Н. В., Матвеева О. Н., Гелашвили Е. Н., Папшева Г. О. Цветовые эпитеты в поэзии Н. С. Гумилева. *Известия Воронежского государственного медицинского университета*. 2019, 4 (28): 190–197.
- Дроздова 2011 — Дроздова С. В. Семантика цвета в поэзии Н. С. Гумилева. В кн.: *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2011, (5–1): 134–139.
- Калинкин 2016 — Калинкин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология. *Вестник Тамбовского университета. Сер.: Филологические науки и культурология*. 2016, 4 (8): 18–27.
- Москвин 2006 — Москвин В. П. *Русская метафора: Очерк семиотической теории*. М.: Ленанд, 2006.
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики. *Русский язык в научном освещении*. 2008, 2 (16): 7–20.
- Раскина 2009 — Раскина Е. Ю. Основные понятия, образы и символы сакральной географии Н. С. Гумилева. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2009, 2 (2): 143–147.
- Слободнюк 1992 — Слободнюк С. Л. *Н. С. Гумилев. Проблемы мировоззрения и поэтики*. Душанбе: Сино, 1992.
- Фадеева 2011 — Фадеева Т. М. Взаимодействие сложного эпитета в художественном тексте с другими средствами выразительности. *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология*. 2011, (4): 47–54.
- Фатеева 1997 — Фатеева Н. А. Интертекстуальная организация времени. В кн.: *Логический анализ текста. Язык и время*. Арутюнова Н. Д., Янко Т. Е. (отв. ред.). М.: Индрик, 1997. С. 321–328.
- Щерба 2007 — Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. В кн.: *Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку*. М.: Аспект пресс, 2007. С. 26–44.

Статья поступила в редакцию 7 октября 2020 г.
Статья рекомендована к печати 29 ноября 2021 г.

Kseniia S. Fedotova

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University,
8, ul. Trubetskaya, Moscow, 123242, Russia
ks-weiss@mail.ru

Nikolay Gumilyov's toponymical epithets

For citation: Fedotova K. S. Nikolay Gumilyov's toponymical epithets. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (1): 169–180. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.109> (In Russian)

This article analyzes functions and semantics of epithets pertaining to geographical names (topopoetonyms) in Gumilyov's poems. Among 206 proper names and 77 epithets are defini-

tions containing emotional assessment: *crazy Africa* (“Love Island”), *kingly Niger* (“Niger”) and color characteristics: *golden Baghdad* (“Pilgrim”), *green Siberia* (“Sahara”) prevailed. The epithet in genitival constructions usually refers to the main word of the nominal group: *Tsargrad’s golden gate* (“Sweden”), *green waves of the Euphrates* (“Adam’s Dream”), but in the periphrases it can be given to a geographical name: *the queen of boundless Rus* (i. e. Moscow, “Muzhik”). The analysis of the most common definitions (*distant, remote; ancient; mysterious*) showed that the epithet in the poetic text conveys several dictionary meanings, and its semantics are befogged by contextual connotations. Thus, the epithet *distant* to the topopoetonym *Siberia* (“Modernity”) express the idea of remoteness both in time and space, while the image of *Siberia* opens up a special space of poetic world — a place where the past continues in the present. In the poem “Galla”, the idea of opposing different cultures, is conveyed through the image of *remote and wild Russia*, as it is presented through the voice of a teacher of Islam. The definition *ancient* (“Words to Davydov’s music”, “Rhodes”) in Gumilyov’s poems also creates a temporal perspective of poetic description, has a positive connotation referring to high importance of the object designated by the topopoetonym, while the epithet *mysterious* (e. g. *Rus*, the poem “Old estates”) has an additional meaning — ‘associated with sacrament’.

Keywords: epithet, N. Gumilyov, linguistic poetics, name semantics, poetonym.

References

- Голубцова и др. 2019 — Golubtsova N. V., Matveeva O. N., Gelashvili E. N., Papsheva G. O. Color epithets in the poetry of Nikolay Gumilyov. *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. 2019, 4 (28): 190–197. (In Russian)
- Дроздова 2011 — Drozdova S. V. Semantics of color in the poetry of Nikolay Gumilyov. In: *Intellektual’nyi potentsial XXI veka: stupeni poznaniia*. Novosibirsk: Tsentr razvitiia nauchnogo sotrudnichestva Publ. 2011, (5–1): 134–139. (In Russian)
- Калинкин 2016 — Kalinkin V. M. Become acquainted: Poetonymology. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serii: Filologicheskie nauki i kul’turologiia*. 2016, 4 (8): 18–27. (In Russian)
- Москвин 2006 — Moskvina V. P. *Russian metaphor: Essay on semiotic theory*. Moscow: Lenand Publ., 2006. (In Russian)
- Плунгян 2008 — Plungian V. A. Corpus as a tool and as an ideology: on several lessons on modern corpus linguistics. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008, 2 (16): 7–20. (In Russian)
- Раскина 2009 — Raskina E. Iu. Basic concepts, images and symbols of the sacred geography of Nikolay Gumilyov. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2009, 2 (2): 143–147. (In Russian)
- Слободнюк 1992 — Slobodniuk S. L. *N. S. Gumilyov. Issues of worldview and poetics*. Dushanbe: Sino Publ., 1992. (In Russian)
- Фадеева 2011 — Fadeeva T. M. The interaction of a complex epithet in a literary text with other sources of expression. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serii: russkaia filologiiia*. 2011, (4): 47–54. (In Russian)
- Фатеева 1997 — Fateeva N. A. Intertextual organization of time. In: *Logicheskii analiz teksta. Iazyk i vremia*. Arutiunova N. D., Ianko T. E. (eds). Moscow: Indrik Publ., 1997. P. 321–328. (In Russian)
- Щерба 2007 — Shcherba L. V. Experience of the linguistic interpretation of poems. In: Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu iazyku*. Moscow: Aspekt Press Publ., 2007. P. 26–44. (In Russian)

Received: October 7, 2021

Accepted: November 29, 2021

**Образные определения к топопоэтонимам в стихотворениях
Н. С. Гумилева**

<p>Названия регионов, стран и городов</p>	<p><i>Абиссиния — дальняя; Австралии (мн. ч.) — девственные, дикие, просты; Аксум — древний; Амхара — плодоносная; Анкобер — нагорный; Африка — безумная, знойная, спящая; Багдад — золотой; Бассора — великолепная; Византия — строгая; Восток — нежный, блестящий; Галлия — дивная; Европа — старинная, умная; Италия — дальняя, любимая; Кастилья — солнечная; Каффа — дальняя, загадочная; Китай — далекий, желтый; Микены — золотоносные; Рим — великий, трепетный; Родос — древний, милый, нежный; Россия — дикая, отдаленная; Русь — дикая, лесная, необозримая, печенежья, родная, славянская, таинственная; Сахара — юная; Сибирь — далекая, зеленая; Сидамо — унылая; Смирна — богатая, старая; Тибести — родная; Тимбукту — царь; Тонкин — отдаленный; Тунис — печальный; Фивы — юные; Хива — белая; Черченские горы — дикие; Шоа — каменистая</i></p>
<p>Названия водных объектов (рек, морей)</p>	<p><i>Двина — вспененная, седая; Красное море — буйное, пылающее; Нева — изменчивая, многоводная, широкая; Нигер — царственный; Нил — безмолвный, древний, медлительный, священный, темный; Понт — опененный, клокочущий; Тибр — быстрый, пламенный; Чад — властительный, таинственный</i></p>
<p>Мифопоэтонимы</p>	<p><i>Иерусалим (в значении Новый Иерусалим) — горный, сияющий; Элизум — святой; Эреб — чернеющий</i></p>